

Гу Шаобай, видя, что отец колеблется, обхватил его руку и начал капризничать, раскачивая её:

— Папа, умоляю, неужели вы сможете смотреть, как ваш сын каждый день встает еще до крика петуха, идет на прием в темноте, дрожа как на тонком льду, боясь, что одно неосторожное слово или случайный зевок обернется потерей головы? Или, как старший брат, будет отправлен в глухое место на должность мелкого чиновника, получая мизерное жалованье, питаюсь лепешками и солеными овощами, терпя издевательства местных хулиганов, и каждый день ища то собаку для одного, то корову для другого... В прошлый раз, когда старший брат вернулся, вы видели его раны на лице? Вы забыли? Брат не сказал вам, но рассказал мне, что это следы от драки между невесткой и свекровью, когда он разбирали их дело...

Наконец, мысли Гу Цзюньсюаня полностью спутались. Эти слова, произнесенные Гу Шаобаем, сопровождаемые его нарочито жалобным тоном и выражением лица, создавали ощущение, что участие в осенних экзаменах для него равносильно смертному приговору — не мгновенной смерти, а медленной пытке, от которой сердце сжимается от боли.

Гу Цзюньсюань с грохотом поставил чашку, переполненный негодованием. Он не мог позволить своему любимому сыну страдать таким образом:

— Шаобай, мы не будем участвовать в осенних экзаменах. Лучше учись у меня вести дела, зарабатывай больше денег. Мы не будем зависеть от чужого мнения, сможем ездить куда захотим, есть что захотим и спать сколько захотим!

Когда Гу Шаобай с благодарными слезами на глазах вышел из комнаты, его отец все еще сидел в углу, терзаемый чувством вины за то, что чуть не разрушил жизнь сына.

Под ярким солнцем и ясным небом Гу Шаобай вытер мнимый пот с лица. Ему наконец удалось убедить Гу Цзюньсюаня не заставлять его сдавать осенние экзамены.

Нельзя сказать, что он остался совсем без выгоды. Ему нужно было как можно скорее освоить семейные дела. После того как заговор Му Цинфэна против него провалился, тот обязательно придумает что-то еще.

У него оставалось полгода.

— Хм, Му Цинфэн, у тебя свои планы, а у меня свои хитрости. По крайней мере, следующие полгода я с тобой поиграю!

Ресторан Юйдэ на проспекте Чанпин в столице.

Мо Жань легонько постукивал пальцами по столу, подняв подбородок так высоко, будто совершил невероятный подвиг. Его глаза, казалось, готовы были вылезти из орбит:

— Ну, как ты собираешься меня отблагодарить?

Гу Шаобай, опершись на оконную раму, вертел в руках складной веер с нефритовыми спицами:

— Ты все выяснил?

Мо Жань посмотрел на него с высокока, с выражением полного превосходства:

— Конечно!

Гу Шаобай постучал веером по его голове и улыбнулся:

— Ну, так что ты хочешь в качестве благодарности? Говори, если я смогу тебе это дать.

Мо Жань сразу оживился, наклонился вперед, улыбаясь до ушей, и таинственно спросил:

— Правда? Все, что ты сможешь дать?

Гу Шаобай отодвинул его лицо подальше и серьезно кивнул.

— Я хочу, чтобы ты... — Мо Жань тоже сделал серьезное лицо.

Гу Шаобай слегка замер, не успев отреагировать, как тот продолжил:

— ...напился со мной.

Гу Шаобай вздрогнул, испугавшись, что у Мо Жана тоже есть склонность к мужчинам. Он сердито посмотрел на Мо Жана, который ухмылялся от удовольствия, и перевел взгляд на улицу, легонько постукивая костяшками пальцев по раме:

— Ну, ладно, но ты же знаешь, что я пьянею после трех рюмок. Вряд ли смогу доставить тебе удовольствие.

В это время как раз заканчивалась аудиенция, и проспект Чанпин, ведущий к воротам Чжэнъян, был заполнен возвращающимися домой чиновниками. Это была их обычная дорога, поэтому в это время улицу всегда очищали от народа.

Только что шумная и оживленная улица теперь была тихой и пустынной.

Вскоре послышался звук приближающихся колес и копыт. Гу Шаобай высунулся из окна, вытянув шею, чтобы увидеть, что происходит.

По улице двигалась вереница людей: чиновники в паланкинах, военные верхом на лошадях. Хотя людей было много, шума не было. Слышался только скрип паланкинов, звон колокольчиков на лошадях и стук копыт по каменной мостовой, отдававшийся эхом в тишине.

Впереди ехала просторная четырехколесная карета, запряженная парой высоких черных лошадей. Темно-красный корпус из наньму был покрыт лаком и блестел. Дверь была закрыта, а на железных оглоблях сидел могучий мужчина в черном, похожий и на кучера, и на воина. Окна были украшены золотом и драгоценностями, затянутыми голубой тканью.

Гу Шаобай, конечно, узнал, что это не обычная ткань, а шелк Цзяосяо, произведенный в его родном городе Чжанчэн. Этот шелк использовался исключительно для императорского двора, так как он пропускал свет, сохраняя тепло, и позволял видеть изнутри наружу, но не наоборот.

Гу Шаобай спросил:

— Синьюнь, это карета князя И?

Мо Жань тоже высунулся посмотреть:

— Да, точно.

Гу Шаобай фыркнул и холодно сказал:

— У Му Цинфэна действительно большой размах.

Мо Жань резко повернулся к нему:

— Шаобай, ты совсем с ума сошел, называя князя И по имени. Ты что, жизни не дорожишь?

Гу Шаобай посмотрел на него с усмешкой, приподняв бровь:

— А ты пойд и донеси на меня!

Мо Жань хихикнул:

— Я бы не смог...

Как они и предполагали, в карете сидел князь И, единственный сын родного дяди императора, двадцатичетырехлетний Му Цинфэн.

Теплый весенний солнечный свет проникал через шелк Цзяосяо, не теряя своей яркости. Легкий дымок поднимался из коричневого курильницы в углу кареты, наполняя воздух тонким ароматом, который витал вокруг его носа.

Те, кто видел Му Цинфэна, говорили, что этот молодой князь действительно красив! С густыми бровями, ясными глазами, высоким носом и тонкими губами, его лицо было четко очерчено, а черты лица казались холодными и острыми. К тому же он был высокого роста, с широкими плечами и узкой талией, и где бы он ни стоял, выглядел как изящное дерево на ветру.

Однако этот князь редко улыбался. Кроме императора, он ни с кем особенно не сблизился, и хотя он вел себя вежливо и сдержанно, всегда ощущалась некоторая отстраненность.

Поэтому чиновники предполагали, что именно из-за того, что он не создавал фракций и не заводил друзей, император так ценил его.

Конечно, князь И не добился расположения императора лестью. У него были настоящие заслуги. Четыре года назад он подавил восстание в стране Юэвэй на юге, а затем отправился на восток, чтобы устранить угрозы на границе. За это время он участвовал в десятках сражений и ни разу не потерпел поражения. Теперь, когда в империи наступил мир, император больше не хотел, чтобы его друг детства продолжал терпеть тяготы на границе, и полгода назад вызвал его обратно в столицу, якобы для того, чтобы он мог наслаждаться спокойной жизнью.

— Хм, — усмехнулся Му Цинфэн, — разве бывает князь в двадцать четыре года, который наслаждается спокойной жизнью?

Когда он не улыбался, его глаза казались глубокими и темными, как бездонные пропасти, холодными и безэмоциональными. Но стоило ему слегка улыбнуться, как его лицо преображалось, словно весенний ветер растапливал лед, и его глаза становились теплыми и приятными.

Поэтому он не улыбался. Он был князем, и ему нужно было сохранять достоинство.

Дым в карете становился все гуще. Му Цинфэн нахмурился, почувствовав духоту, и открыл крышку курильницы, залив дорогостоящее благовоние «Лилия Линлин» чаем.

Вспомнив разговор с императором перед аудиенцией, он снова почувствовал легкий дискомфорт.

— Афэн, — император, как обычно, обращался к нему по детскому имени, — результаты «Суда Трех Ведомств» уже представлены Палатой Дали.

Он протянул ему сверток.

Му Цинфэн быстро просмотрел его и вернул, зная, что император еще не закончил.

— Хотя князь Юй совершил тяжкие преступления, он все же наш с тобой дядя. Отец при жизни всегда заботился о братских чувствах. Если я сейчас казню его, боюсь, что дух отца не обретет покоя...

Му Цинфэн опустил взгляд, скрывая печаль:

— Все зависит от вашего решения, Ваше Величество.

Император помолчал, затем добавил:

— Я знаю, что три года назад между князем Юй и твоим отцом были разногласия. Но время прошло, Афэн, не будь слишком упрямым. Я издам указ, чтобы твой дед Сяо Янь получил титул первого ранга.

Му Цинфэн понимал, что император, не желая казнить князя Юй, пытался утешить его, повышая статус его деда. Это означало, что дело о фальшивых лекарствах больше не будет связано с домом Сяо.

<http://bllate.org/book/16730/1538511>